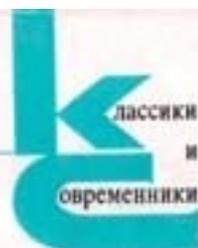

К.М.Станюкович

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

«Морские рассказы»

Константин Станюкович

Волк

«Public Domain»

1900

Станюкович К. М.

Волк / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1900 — («Морские рассказы»)

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Константин Михайлович Станюкович

Волк

(Из далекого прошлого)

I

Однажды, под вечер воскресного дня, баркас с матросами первой вахты пристал к левому борту парусного корвета «Гонец», стоявшего на севастопольском рейде.

В числе возвратившихся с берега пожилой фор-марсовой Лаврентий Чекалкин, носивший кличку «Волка», поднялся со шлюпки озлобленный, мрачный и бледный. Голова его была обмотана тряпичей, пропитанной кровью.

Другой матрос, тоже пожилой фор-марсовой, Антон Руденко, поднялся на палубу, прихрамывая на одну ногу. Вспухшее его лицо было окровавлено. Половина уха была оторвана.

– Это что такое? – сердито спросил старший офицер Петр Петрович старшину баркаса.

– Передрались, ваше благородие.

Быстрый и решительный во всяких случаях, Петр Петрович крикнул боцману Гордеенку:

– Завтра до флага перепороть обоих!

– Есть, ваше благородие! Но...

– Какие там «но»? Я тебе «но» пропишу на морде!

– Слушаю, ваше благородие. Однако дозволейте переждать порку.

– Почему?

– Волк быдто поранен ножом, а Руденко вовсе измят. И ноги, должно быть, перелом.

– Были вдребезги?

– Выпимши, но при полном рассудке, ваше благородие!

Старший офицер изумился.

Оба матроса были исправные и приятели.

– И вдруг так изувечили друг друга? Из-за чего?

– Не могу знать, ваше благородие. Должно, из-за эстой самой Феньки, – со снисходительным презрением к женщинам прибавил боцман.

– Какая такая Фенька?..

– Молодая вдовая матроска.

– Ну, так что ж?

– С Волком два года путалась и в один секунд: «Отваливай! Очертел, мол, сразу». Беда какие торопливые есть матроски! – насмешливо промолвил боцман.

– Так, значит, Руденко не зевал на брасах... А Волк приревновал?..

– Не должно... Фенька в Симферополь утекла. Новый город пожелала увидеть. Любопытная, видно! – усмехнувшись, пояснил старый боцман.

– Ничего не понимаю! – воскликнул Петр Петрович.

– Как баба облестит – никакого не выйдет понятия, ваше благородие!

– Тоже нашли – из-за бабы драться! А еще хорошие матросы! Позови-ка их сюда! – приказал Петр Петрович.

Он решительно был изумлен романической историей, и у кого же? «У пожилого умного Волка, казалось, не способного на такие штуки!» – подумал старший офицер, питавший некоторую слабость к лихому марсовому.

Уж очень хорошо он вязал штык-болт на ноке фор-марса-реи и вообще был «отчаянный» в работах матрос... Первый на «Гонце».

И вдруг – скажите пожалуйста!

Через минуту оба матроса подошли на ют, где стоял старший офицер.

– Так как же, Волк? Обезумел, что ли, под старость?

– Никак нет, ваше благородие! – застенчиво промолвил Волк.

– Хорош: «Никак нет!» Полюбуйтесь оба на себя. Доктор сейчас осмотрит. Нечего сказывать: старые петухи! А еще приятели!.. Прежде пьянствовали вместе... А теперь, видно, отстал пить?

– Отстал, ваше благородие...

– Ну, говори, Волк, чтобы мне знать, как вас выдрать после починки. Из-за чего разодрались?

– Так, ваше благородие! Из-за разговора.

– Не ври, Волк... Из-за Феньки?.. Сказывай!

Волк молчал.

– Точно так, ваше благородие! С позволения сказать, из-за непутящего ведомства и вышла раздрайка! – проговорил виновато Руденко.

Волк только презрительно взглянул на приятеля.

– И ты, Волк, из-за бабы изувечил Руденку? А эта злая скотина пырнул тебя? Кто зачинщик?

– Я, ваше благородие! – безучастно вымолвил Волк.

– А ты, верно, подзадорил его, подлец? Волк зря не начнет! – сердито обратился старший офицер к Руденко.

– Я, ваше благородие, думал, чтобы как следует... Для его старался... Открыть, значит, глаза его хотел... Вижу, Волк здря в тоску вошел. Я и обсказываю: по той, мол, причине Фенька от его сбежала, что не очень-то лестно ей хороводиться с им. Прикидывалась, говорю, быдто обожает... Как пить, в Симферополе тую ж минуту молодого солдата нашла. Лукавая, ваше благородие! Вокруг пальца обводила Волка, а он...

– И Волк за твои подлые слова изувечил тебя, Руденко?

– Точно так, ваше благородие!

– Ты, подлец, как разбойник... ножом? Ну уж и отполирую я тебя, мерзавца!

– Не оборонись я ножом, не жить бы мне, ваше благородие! Освирепел из-за слов Волк. Извольте взглянуть на морду... И ухо... И нога...

– Мало еще тебе. Будешь помнить выволочку... Зачем лез с подлым разговором к Волку?.. Просил он тебя насчет Феньки?.. Говорил, что ли?

– Никак нет, ваше благородие...

«Какой же он привязчивый дурак!» – подумал старший офицер, взглядывая на Волка. И, казалось, теперь понял причину перемены Волка в последнее время.

Волку было стыдно и обидно. То, что скрывал он от всех, стало предметом общего внимания. Главное, о Феньке пойдут разговоры.

– Ступай оба. Доктор осмотрит! – сказал Петр Петрович.

И значительно смягченным тоном прибавил, обращаясь к Волку:

– А ты не тронь больше этого подлеца!

– Есть, ваше благородие!

– Ведь до смерти его изобьешь... У тебя кулак!.. И угодишь в арестанты из-за мерзавца. Помни, Волк.

– Есть, ваше благородие!

И тон голоса Волка, и выражение его лица как будто говорили, что не стоит в арестанты из-за такого человека, который своим подлым разговором довел до драки и теперь, как «последний матрос», обсказал причину старшему офицеру.

– И ты, Волк, знаешь... того... Не распускай шкотов... Нечего матросу скучать...
Плюнь! – почти ласково промолвил Петр Петрович.

II

Через полчаса в кают-компанию вошел худощавый и маленький старый врач Никифор Иванович. Обыкновенно веселый и легкомысленный «папильон»¹, он несколько озабоченно сказал старшему офицеру:

– Дело-то «табак», Петр Петрович!

– Больных не любите, так и «табак», Никифор Иваныч? – проговорил, подсмеиваясь, старший офицер.

Он хорошо знал, что этот «мичман», несмотря на его почтенный возраст, не любил лечить больных. Давно уже позабывший медицинские книжки, он всегда весело говорил, что природа свое возьмет, а не то госпиталь есть, если матросу предназначено в «чистую», как Никифор Иванович называл смерть.

По счастью для него и, главное, для матросов, на корвете больных не бывало.

– Да что их любить, Петр Петрович! А Волка нужно бы в госпиталь!

– Разве на корвете нельзя зачинить?

– Все можно, а лучше отправить на берег. Природа у Волка свое возьмет, и хирург живо обработает. Рана глубокая, под ухо прошла... Перевязку сделал, а теперь пусть дырку чинят в госпитале. Верней-с. Ну, да и я, признаться, давно не занимался хирургией, Петр Петрович!.. И вообще не любитель лекарств! – откровенно признался Никифор Иванович.

– А Руденко что?

– Отлежится... Дня через три с богом порите его, Петр Петрович!

– А нога?

– То-то перелома будто нет. Посмотрю, как завтра... И ловко же его изукрасил Волк! Счастье, что Руденко еще цел! – весело промолвил старенький доктор.

Старший офицер послал вестового сказать на вахте, чтобы подали к борту четверку, и сказал юному, несколько месяцев тому назад произведенному смуглолицему мичману Кирсанову:

– Отвезите, Евгений Николаич, вашего любимца в госпиталь. Да попросите сейчас же его осмотреть и спросите, нет ли опасности.

– Слушаю, Петр Петрович!

– И ведь с чего сбрендил старый дурак! Знаете, Евгений Николаич?

– Знаю, Петр Петрович. Оттого он переменялся в последнее время и тосковал.

– То-то и удивительно... Волк... и... из-за какой-то Феньки!..

– Волк не похож на других... Он по-настоящему любит женщину! – краснея и взволнованно промолвил мичман, словно бы обиженный за удивление старшего офицера.

Мичману было двадцать лет. Ему казалось, что и он «по-настоящему любит», и навеки, конечно, эту «божественную» Веру Владимировну, к сожалению, жену капитана первого ранга Перельгина. Он знаком с нею три месяца, и с первой же встречи влюбился в эту хорошенькую блондинку лет тридцати и таил от всех свою любовь. «Божественная» с ним кокетничала, а он благоговел, по временам втайне желал «кондрашки» толстому, короткошеему капитану, раскаивался и верил, что госпожа Перельгина – пушкинская Татьяна. Недаром же она любила декламировать:

Но я другому отдана
И буду век ему верна

---

¹ Мотылек (от фр. le papillon).

Вымытый, перевязанный и переодетый, с «отсылкой» (бумагой) в госпиталь, вышел Волк на палубу.

Перед тем как Волку спускаться в шлюпку, его окликнул старший офицер и сказал:

– Скорей починись, Волк!

– Есть, ваше благородие!

Вся команда, уже в палубе, пожелала Волку скорей вернуться на корвет.

Он хотел было идти на нос шлюпки, но мичман приказал матросу сесть на сиденье рядом с ним, и четверка отвалила.

Вечер был обаятельный. Звезды загорелись в небе.

Волк задумался.

Это был здоровый, крепкий человек, далеко за сорок, мускулистый, широкоплечий, мешковато одетый, спокойно-уверенный в своей физической силе, привыкший к морю и любивший его, с грубоватым, суровым лицом, с тем выражением искренности, простоты и в то же время какого-то философски-спокойного ума, которым отличаются моряки, много выдавшие видов на своем веку.

Еще недавно его серые глаза светились радостно, и по временам в его серьезном лице появлялась горделиво-торжествующая улыбка счастливого человека. В то время он и бросил пить, вдруг сделался бережлив и стал мягче характером.

Суровый на вид, он обыкновенно редко сердился, и его трудно было разозлить. Только скалил свои крепкие белые зубы и добродушно подсмеивался. Но, когда его охватывал гнев, он напоминал обозленного волка, и все боялись довести матроса до иступления. Знали, что мог избить до смерти, если не удержать силой.

В последнее время Волк сразу изменился. Стал молчалив, угрюм и раздражителен. По временам долго смотрел на море, точно думал какие-то невеселые думы, и глаза его были тоскливые, какими прежде не бывали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.